

Научная статья

УДК 821

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_117

Гибридность в литературе пограничья (на материале творчества В. Вертлиба и Ю. Рабинович)

В. Г. Зусман¹, О. В. Пахомова^{2,3}

¹Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия
susmann1@yandex.ru

²Высшая школа экономики, Нижний Новгород, Россия

³Волжский государственный университет водного транспорта, Нижний Новгород, Россия, olyapahomowa@gmail.com

Аннотация. Многоязычие и поликодовость являются важными характеристиками литературы мигрантов. В статье рассматривается поэтапная эволюция термина и различные подходы к нему. Исследуются понятия глобализации и транскультуры, их взаимодействие и противопоставление. Различные тексты Владимира Вертлиба и Юлии Рабинович интерпретируются как гибридные и поликодовые.

Ключевые слова: гибридность, Владимир Вертлиб, Юлия Рабинович, писатели-мигранты, глобализация, транскультура, поликодовость

Для цитирования: Зусман В.Г., Пахомова О.В. Гибридность в литературе пограничья (на материале творчества В. Вертлиба и Ю. Рабинович) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 117–124. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_117

Original article

Hybridity in the Frontier Literature (based on the creative works of V. Vertlib and Yu. Rabinowich)

Valerii G. Zusman¹, Olga V. Pakhomova^{2,3}

¹Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia, susmann1@yandex.ru

²Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Russia,

³Volga State University of Water Transport, Nizhny Novgorod, Russia, olyapahomowa@gmail.com

Abstract. Multilingualism and polycode are important requirements of literature. The article reviewed the gradual evolution of the term and different approaches to it. The concepts of globalization and transculture are investigated, their interaction and opposition. Various texts by Vladimir Vertlib and Yulia Rabinowich are interpreted as hybrid and polycode.

Keywords: hybridity, Vladimir Vertlib, Yulia Rabinowich, migrant writers, globalization, transculture, polycode

For citation: Zusman, V., Pakhomova, O. (2022). Hybridity in the frontier literature (based on the creative works of V. Vertlib and Yu. Rabinowich). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 117–124. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_117

КАКОЙ ТЕРМИН ВЫБРАТЬ?

Термин «интеркультурная / межкультурная литература» используется в современной германистике для обозначения литературных произведений авторов, которые пишут на неродном для них языке. В западном литературоведении термин претерпел заметную эволюцию. От пренебрежительного обозначения «литература гастарбайтеров» (Gastarbeiterliteratur), «литература иностранцев» (Ausländerliteratur), «литература мигрантов» (Migrationsliteratur oder MigrantInnenliteratur), «литературы премии Шамиссо» (Chamisso-Literatur) до понятия «межкультурная литература» (Interkulturelle Literatur), «литература авторов, вовлеченных в новый язык» (die Literatur der «Eingesprachten» (Trojanow) [Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta, 2010] – дистанция огромного размера.

В современной германистике термин «литература гастарбайтеров» считается устаревшим и этически неприемлемым. По той же самой причине вышло из обихода понятие «литература иностранцев». Более нейтральный термин «литература мигрантов» (Migrationsliteratur oder MigrantInnenliteratur) охотно и часто употребляется исследователями, однако негативно воспринимается многими авторами-мигрантами. Словосочетание «литература мигрантов» представляется им «проблематичным», «дискриминирующим», исключающим писателей иностранного происхождения из общего литературного процесса в немецкоязычных странах [там же]. Описательный, нейтральный, «спокойный» термин «межкультурные литературы» (Interkulturelle Literaturen) применяется весьма широко. Однако «межкультурная литература | межкультурные литературы» по мнению современных исследователей – размытый термин. «Межкультурными» являются тексты не только писателей-мигрантов, создающих их на, так сказать, втором родном языке. Слишком широкий термин трудно использовать [там же]. Очевидно, что многие произведения Томаса Бернхарда, Питера Хандке, Герты Мюллер содержат признаки «межкультурности».

Этот терминологический ряд («литература мигрантов»... – «межкультурная литература»... «литература нововлеченных в иностранный язык») является принципиально открытым. В докладе «Литература мигрантов в межкультурном дискурсе» (1998) Х. Рёш представляет несколько терминов для обозначения литературы писателей, сменивших страну проживания: «литература иммигрантов» (Immigrantenliteratur), «литература эмигрантов» (Emigrationsliteratur), «литература мигрантов» (Migrantenliteratur или Migrationsliteratur), «интеркультурная литература» (interkulturelle Literatur),

«мультикультурная литература» (multikulturelle Literatur) – последние четыре термина он выделяет как самые удачно описывающие литературу, созданную на неродном для писателей языке.

В новейших исследованиях отечественных германистов встречаются следующие определения:

- «литература немецкоязычных писателей иностранного происхождения» (literarische Texte deutschsprachiger Autoren ausländischer Herkunft);
- «литература эмигрантского происхождения» (“Literatur” Migrantenherkunft) [Гречушникова, 2003];
- «литература экзофонов» (Literatur von “Exophonen”)¹;
- «литература мигрантов» (Literatur von Migranten), «транскультурная литература» (transkulturelle Literatur), «мигрантская литература» (Migrantenliteratur) [Анохина, 2019].

Exilliteratur (литература изгнания) [Zierau, 2009] – это другой термин, обозначающий другой процесс. «Миграция» связана с личным решением человека, желающим покинуть страну, где он родился. «Эмиграция» – это принуждение, давление извне, а не решение изнутри. Литература эмиграции – это литература изгнания [Bloch, 2004].

По мнению итальянского исследователя Антонеллы Катоне, «историю миграции в Германии можно проследить по терминологии, используемой для описания авторов с миграционным прошлым...», иногда, эти произведения называли с иронией и сарказмом литературой для гастарбайтеров. Позднее возникли обозначения – «литература мигрантов», «литература эмигрантов», «литература тревоги», «литература, наводящая межкультурные мосты», «литература для иностранцев» [Catone, 2014].

В 1985–2017 годах бытовало еще одно обозначение – «литература премии Шамиссо» (Chamisso-Literatur). Премия имени известного немецкого писателя французского происхождения Адельберта фон Шамиссо (Adelbert von Chamisso, 1781–1838) была учреждена в 1985 году фондом Роберта Боша (Robert Bosch Stiftung). Премию присуждали в 1985–2017 годах. Затем присуждение премии фондом было приостановлено. Премию Адельберта фон Шамиссо присуждали литераторам, «пишущим на немецком языке», который не является для них родным.

Условия присуждения премии хорошо известны: «переход» автора из сферы родного языка в мир другого, также становящегося для него родным. Возникновение билингвизма, иногда – многоязычия. Важным критерием отбора является также высокое качество литературных произведений

¹URL: https://www.youtube.com/watch?v=q-QZPC3_HYs

писателей-мигрантов, «внесших своим творчеством значительный вклад в немецкоязычную литературу». Многоязычие является, таким образом, одним из основных признаков этих текстов, ставших за относительно короткий период «неотъемлемой составной частью современной немецкой литературы» [Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta, 2010].

СЧИТАЮТ ЛИ ПИСАТЕЛИ-МИГРАНТЫ, ЧТО К ИХ ТВОРЧЕСТВУ НАДО ОТНОСИТЬСЯ ОСОБЫМ ОБРАЗОМ?

Историки литературы в немецкоязычных странах часто включают произведения писателей-мигрантов в особую рубрику, отводя им специальное место в литературном процессе. Однако такое особое отношение писателей-мигрантов не столько радует, сколько настораживает. Так, австрийская писательница, художница и переводчица Ю. Рабинович (Julya Rabinowich, 1970), эмигрировавшая в Австрию из СССР в 1977 году, подчеркивает, что понятие «литература мигрантов» (Migrantenliteratur) воспринимается самими авторами как «отграничение» и «вытеснение» (ausgegrenzt) их творчества. Художественный смысл текстов сводится к биографии авторов.

Так анализируют тексты писателей-мигрантов ученые из исследовательского проекта В. Сиверс «Literature on the Move». Проект посвящен изучению миграции писателей из различных стран в Австрию. В результате, подчеркивает Ю. Рабинович, произведения авторов-мигрантов перестают восприниматься как литература. В них видя только биографическую экзотику или попытку «аутентичного взглядывания в чужие миры» (authentische Einblicke in fremde Welten). Таким образом элиминируется качественный (профессиональный) литературный анализ¹. Художественные тексты рассматриваются как этнокультурная экзотика.

1. Владимир Вертлиб, эмигрировавший в Австрию в 1976 году, также не считает, что тексты писателей-мигрантов специфическим образом «обогащают» немецкоязычную литературу. Между тем таким нередко оказывается эффект первого романа или первого сборника рассказов. Здесь художественные и автобиографические элементы тесно переплетаются, образуя неразрывное единство. Последующие тексты авторов-мигрантов

отклоняются от этой модели. Художественное начало доминирует. В этот момент произведение утрачивает свойства «литературы мигрантов» и становится просто литературой².

Сошлемся также на мнение О. Мартыновой (1962), немецкой писательницы русского происхождения, автора известного романа «Даже попугаи переживут нас» (Sogar Papageien überleben uns). По ее мнению, важны не столько отклики критиков, причисляющих или не причисляющих того или иного автора к писателям-мигрантам, сколько наличие или отсутствие читательского интереса. Справедливо, однако, то обстоятельство, что такие авторы находятся между различными языками и культурами.

ПРОБЛЕМА МНОГОЯЗЫЧИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: ЯЗЫК КАК КРУГ?

В 1801 году в своих фрагментах монографии о басках Гумбольдт пишет: «Язык, не только понимаемый обобщенно, но каждый в отдельности, даже самый неразвитый, заслуживает быть предметом пристального изучения... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [Гумбольдт, 2006].

В трактовке Гумбольдта язык не сводится к прямому отражению мира. Благодаря языку человек осваивает и интерпретирует мир. Различные языки, по Гумбольдту, являются различными мировоззрениями. Различные языки предлагают различные видения и обозначения одной и той же вещи. Каждый язык, по Гумбольдту, образует круг вокруг собственного народа. Выйти за его пределы можно, лишь войдя в другой круг. Гумбольдт различает в языке следующие антиномии:

- деятельность – предметность («энергия» и «эргон», жизненность – вечность),
- индивидуум – народ (индивидуальное – коллективное),
- свобода – необходимость и др. [там же].

Думается, что метафора языка-круга, окольцовывающего, замыкающего человека в привычной, ему предметности и образ другого языка, размыкающего первый круг и заново открывающего мир, наилучшим образом передает ситуацию билингвизма и многоязычия, характерную для писателей-мигрантов.

¹URL: <https://www.oeaw.ac.at/oesterreichische-akademie-der-wissenschaften/die-oeaw/article/entwurzelt-und-umgetopft/>

²URL: <https://volksgruppennv1.orf.at/diversitaet/aktuell/stories/57297.html?skin=>

ЧТО ТАКОЕ ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА?

Термин «транскультурная литература» широко распространен в Германии и Австрии. В зависимости от страны происхождения соответствующего автора некоторые исследователи выделяют такие ответвления немецкоязычной транскультурной литературы, как немецко-турецкая, немецко-русская, австрийско-русская, австрийско-еврейская, немецко-украинская и др.

Это явление можно попытаться охарактеризовать и с помощью описательных терминологических конструкций. Например, можно было бы размышлять о «немецкоязычных авторах иностранного происхождения с расширенным межкультурным кругозором».

«Расширенный межкультурный кругозор» – явление принципиально гетерогенное, поскольку гетерогенным является человеческое сознание. По мнению Ю. М. Лотмана, существует «природная» связь между принципами гетерогенности и гибридности с любой областью человеческого знания – биологией, ботаникой, генетикой, гуманитарными и техническими дисциплинами. Биология, например, определяет гибридность как «постоянный и всегда новый процесс сращивания» [Лотман, 1992]. Эту формулу с осторожностью можно проецировать и на область гуманитарных наук. О «сращивании» и «скрещивании» разных элементов культуры размышлял еще А. Н. Веселовский [Веселовский, 2010]. «Транскультурность» и «гибридность» – характерные следствия миграционных процессов в современном мире. Представление о современной идентичности как «текущей» и «гибридной» проясняет немецкоязычные произведения авторов иностранного происхождения с расширенным межкультурным кругозором. Стиль мышления, определяет, естественно, и стиль языка. Гибридные конструкции в языке таких авторов представляют собой высказывания, которые «... принадлежат одному говорящему, но в котором в действительности смешаны два высказывания, две речевые модели, два стиля, два «языка», два смысловых и ценностных кругозора», восходящие к разным культурам и языкам [Бахтин, т. 6, 2002, с. 95].

Понятно, что любое речевое высказывание хоть и может принадлежать одному говорящему, при этом в нем может коррелировать два и более языка.

Так и происходит в произведениях авторов, рассматриваемых в этой статье. В литературе немецкоязычных мигрантов можно выделить не только формальный переход писателей с родного языка на исходно «НЕ родной» для них немецкий. Но и из-за смены языков, меняется перспектива

высказывания, при этом и возникает ситуаций культурного пограничья.

Это особый тип «пограничья», поскольку между языками и частями высказываний нет явных демаркационных линий. Дело в том, что гибридность предполагает внутреннее, а не внешнее разграничение. По мнению М. М. Бахтина, между такими «... высказываниями, стилями, языками, кругозорами <...> нет никакой формальной – композиционной и синтаксической – границы; раздел голосов и языков проходит в пределах одного синтаксического целого, часто в пределах простого предложения, часто даже одно и то же слово принадлежит одновременно двум языкам, двум кругозорам, скрещивающимся в гибридной конструкции, и, следовательно, имеет два разноречивых смысла, два акцента» [там же]. Рассматривая мысль М. М. Бахтина, можно говорить о том, что возникающее «столкновение» культур и мировоззрений (возможно истолкованных не до конца правильно, ошибочно самим автором в стране интеграции) внутри единой целой речевой конструкции порождает гибридную конструкцию – как смешение этих кругозоров, культур, языков, мировоззрений и религий. Соответственно, внутри гибридной конструкции и в произведении в целом возникает ситуация многоязычия и культурного многоголосия. В докладе «Этнолекты и главная / «ведущая» речь. М. Бюргер-Кофтис называет языковую гибридность «креативной» [Bürger-Koftis, Schweiger, Vlasta, 2010, с. 65].

ЛИТЕРАТУРА МИГРАНТОВ – ЛИТЕРАТУРА «ПОГРАНИЧЬЯ»?

Пространство «пограничья» может быть физическим и метафизическим, фактическим и метафорическим, но существенно важно, что это всегда «пространство между культурами». В книге «Spiegel im fremden Wort» («В зеркале чужого слова»), посвященной поэтике прозы мигрантов, австрийский писатель В. Вертлиб и определяет «пограничье» как «пространство между культурами» (по-немецки четче и лучше – «ein kultureller Zwischenraum») [Vertlib, 2006, с. 83]. Слово *zwischen* (между) указывает на соединительно-разделительную специфику литературы «пограничья».

Принадлежащий к литературе «пограничья» автор обладает идентичностью особого типа, которую В. Вертлиб обозначает сложным существительным *Mehrfachidentität* – «множественная идентичность». Вероятно, под этим следует понимать, что автор наделен несколькими разными «я». Вот как – не без иронии – определяет себя В. Вертлиб: «... ein in Österreich lebender, in Leningrad

geborener und seine Texte auf Deutsch schreibender jüdischer Autor...» [Vertlib, 2006, с. 86]. Получается, что в неполный перечень разных «я» писателя входят: 1) «я» личности, проживающей в Австрии с пяти лет; 2) «я» ребенка, рожденного в России, в Ленинграде; 3) «я» автора, пишущего на немецком языке; 4) «я» еврейского писателя. Разные грани этой личности образуют взаимоналожения биографического автора и автора художественного [Корман, 2005]. У такого литератора имеется множество способов наблюдать, воспринимать, выражать и оценивать мир. Ленинградское «я» ребенка связано, очевидно, с дописьменной культурой, погружено в стихию устной речи.

Юлия Рабинович называет себя «Янусом в Вавилоне» [Rabinowich, 2009] и связывает многоязычие не с переходным этапом, а со сменой идентичности. Игра с идентичностью, с правдой и ложью, с прошлым и будущим является необходимым условием. В романе «Расщепленная голова» возникает многомерный конфликт идентичности. В своем первом прозаическом произведении «Расщепленная голова» писательница описывает эмиграцию русской семьи на запад. Повествование ведется от первого лица, главной героини – Мишки. Она как бы расщеплена между детством на востоке и будущим на западе, и должна в эмиграции найти свой собственный путь. В названии совмещается гротеск и трагичность *Spaltkopf (der Spalt – щель, трещина; der Kopf – голова, лицо)*. Разрыв между культурами писательница описывает как неуютный и преувеличенный, нужно постараться изгнать чувство эмиграции. «Человек как бы с расщепленной головой. Двужычный. Многоликий» («Spaltköpfig wird man. Doppelzünftig. Mehrgesichtig») [Rabinowich, 2008].

«Множественная идентичность» объясняет поликодовую природу текстов «пограничья». Чтобы раскрыть этот тезис, надо – вслед за самим Владимиром Вертлибом – подробнее охарактеризовать эстетические последствия «множественной идентичности». Что специфично для текстов писателей такого типа? Как в «межкультурном пространстве» возникает «письмо»? Каким получается текст в «зеркале» чужого мышления и слова?

Все тексты В. Вертлиба связаны со «сменой перспективы». «Смена перспективы» означает, что автор способен менять угол зрения на мир. Он видит себя и окружающую жизнь попеременно глазами австрийца, коренного жителя Ленинграда, человека с еврейскими корнями, говорящего в разных ситуациях то по-русски, то по-немецки, но пишущего исключительно на немецком языке. По-видимому, «смена перспективы» связана, в том числе, с переключениями устной речи на

письменную и обратно. В отношении устной речи в случае В. Вертлиба можно говорить о билингвизме. Он без акцента говорит на русском и немецком. Письменная речь писателя, скорее, может быть определена термином «monoglott» (одноязычный). Можно говорить о том, что устная речь свидетельствует о В. Вертлибе как о билингве. Билингвизм устной речи влияет на его одноязычную письменную речь.

Кроме русского и немецкого, В. Вертлиб свободно говорит на нескольких европейских языках. При этом немецкий язык – это особо ценный язык творчества. Русский язык – язык детства. Два языка креативно смешиваются в его текстах. Однако языковой гибридности предшествует наложение друг на друга ментально-культурных кодов. Ситуация «пограничья», с характерной для нее поликодовостью, определяет существенным образом «письмо» австрийского автора.

Что такое «коды» культуры?

Гибридные тексты возникают «на границе смены кодов» [Лотман, 1992]. М. Фуко считает, что коды культуры – это механизмы управления нашим внутренним миром, определяющим «...схемы восприятия», «формы выражения» и воспроизведения действительности. Коды культуры представляют собой ценности, определяющие «иерархии» эмпирических практик, «...эмпирические порядки», с которыми человек «...будет иметь дело и в которых, будет ориентироваться». Коды «пограничья» представляют собой усложненные удвоенные смысловые структуры [Фуко, 1994].

Р. Барт писал, что код – это «ассоциативное поле», задающее «сверхтекстовую организацию» значений [Барт, 1989]. Понятно, что у писателей с расширенным межкультурным горизонтом «ассоциативные поля», связанные с ситуацией «пограничья», накладываются друг на друга.

ЧТО ТАКОЕ ГИБРИДНЫЕ СТРУКТУРЫ?

Гибридные структуры характерны для литературы авторов с расширенным межкультурным кругозором. Оригинальные «конструкции», создаваемые внутри одного художественного произведения путем «перекрещивания» / смешения / корреляции нескольких языков, могут возникать на жанровом, композиционном, словесно-образном, фонетическом уровнях.

Рассмотрим тексты двух современных австрийских авторов, родившихся в Ленинграде и еще детьми, покинувшими СССР. В. Вертлиб и Ю. Рабинович оказались в конце концов в Австрии, в Вене. Впрочем, В. Вертлиб попал в Австрию далеко не сразу. Ему была уготована настоящая эмигрантская Одиссея.

В. Вертлиб и Ю. Рабинович – очень разные авторы, но, с известной осторожностью, их можно отнести к литературе «приграничья» («пограничья»). Понятно, что в этом случае термин «приграничье» следует понимать в расширительном толковании. Здесь географические параметры и физические данности уступают место геокультурной локации и метафизическому осмыслению границы.

Диалектика границы в данном случае рассматривается с разных сторон:

- граница: зона соединения и разделения, «встречи» и изоляции.
- граница: сфера «своего» и «чужого», внутреннего и внешнего, свободы и несвободы, хаоса и порядка.
- «пограничье» (приграничье) – территория физическая и метафизическая, пространство фактическое и метафорическое.

Пересекая воздушную границу между Австрией и СССР, героиня романа Ю. Рабинович «Der Spaltkopf» («Расщепленная голова») решительно расстается с прошлым. Граница в мире Ю. Рабинович навсегда отрезает прошлое от настоящего и будущего [Rabinowich, 2009]. Героиня романа «Dazwischen: Ich» («Между: Я», 2016) Мадина говорит о себе так: «Куда я приеду? Это неважно. Это может быть где угодно. Я отовсюду. Я из Ниоткуда. За семью горами и даже дальше» [Rabinowich, 2016, с. 4].

Лингвистическим аналогом пересечения границы у Ю. Рабинович является завершённое действие, оставшееся в прошлом [там же]. «Простое прошедшее время» передает наилучшим образом понимание эмиграции как однократного и невозвратного пересечения границы. Прошлое отрезается от настоящего. Прошлому придается низкая ценность. Возврата к нему нет.

Такое отношение к прошлому исключает аналогию с «Present Continuous Tense» – с настоящим продолжительным временем. Прошлое не продолжается и не длится.

В мире В. Вертлиба ситуация складывается иная. Граница никогда не пересекается до конца. Она длится. Рассказчик в текстах этого писателя принципиально погружен в состояние «длящегося» бытия на границе. Если В. Вертлибу эта ситуация на границе культур долгое время представлялась творческой, продуктивной, то Ю. Рабинович кажется устремленной к монокультурному, минус – гибриднему, одноязычному «письму».

ГИБРИДНЫЕ КОДЫ ПИСАТЕЛЕЙ-МИГРАНТОВ

Для авторов «пограничья» характерны удвоение и перемешивание кодов культуры. Возникает

наслоение ассоциативных рядов. Владимир Вертлиб отмечает, что, попадая в Бригиттенау, район Вены, где прошло его венское русскоязычное детство в компании детей из семей мигрантов, он мгновенно переключается с австрийского на русский регистр. При этом моментально меняется фон (контекст) воспоминаний и ассоциаций. Отсюда – гетерогенность сознания, проявляющаяся в гибридных текстах. Переключение кодов – «ассоциативных контекстов, фонов» – характеризует тексты В. Вертлиба и его коллег.

Рассматривая творчество писательницы Юлии Рабинович, можно утверждать, что писательница никогда не связывала свое чувство дома со странами, но – всегда с людьми и их языками. Потеря старых корней привела Ю. Рабинович к поиску новых. Писательница в одном из своих интервью говорит, что утрата корней лишила ее возможности обособиться где-нибудь внутри, однако на / в языке она чувствует себя как дома. Вместо гибридности и поликодовости Ю. Рабинович пришла к новому моноглоттизму. В одном из интервью она сравнивает себя с растением, пересаженным в новый горшок. При этом со старыми корнями пришлось распрощаться (*Entwurzelt und umgetopft*).

Удвоенный код приводит к удвоению ассоциативных полей и, далее, к гибридности текстов. Известный пример двойных ассоциативных полей связан с размышлениями В. Вертлиба о словах «Hund» и «собака».

Писателю кажется, что в русском слове неразрывно сливаются звучание и значение. В этом заключается особая поэтичность русского языка для немецкоязычного автора (*Es gibt keine Distanz zwischen dem Wort und dem, was es bezeichnet*).

В немецком же слове *Hund*, хотя и возникают воспоминания о рифмующихся с ним словах *Mund*, *Schlund* и т. д., преобладает «идея собаки», своего рода «собаконость». В конце концов возникает противоречивый гештальт: *Hund* – *собака* с удвоенными рядами ассоциаций [Vertlib, 2007].

Роман Ю. Рабинович «Расщепленная голова» стал одним из ярких событий литературной жизни немецкоязычных стран последних десятилетий. В романе присутствует изображение глубоко укоренившегося молчания и психологического вытеснения событий. Название романа «Dazwischen: ich» («Между: Я», 2016), относящегося к литературе «пограничья», символически указывает на зажатость, сдавленность «я» между культурными мирами. Героиня повествования девочка Мадина никак не впишется в «чужую» жизнь. Между тем ее предыдущая жизнь полна ужаса и крови (героиня вспоминает, как дети и старики собирали останки мужчин, военных,

попавших под бомбежку и разорванных на куски). К этому прошлому нет возврата. Настоящее также теснит ее. Если бы роман назывался «Ich: Dazwischen» [Rabinovich, 2016], тогда бы он принадлежал к другому типу литературы «приграничья», в котором главным, несущим элементом является герой, а не ситуация пограничья.

Слова Мадина, с которых начинается первая глава произведения: «Wo ich herkomme? Das ist egal. Es könnte überall sein <...> Ich komme von überall. Ich komme von Nirgendwo. Hinter den sieben Bergen. Und noch viel weiter», свидетельствуют о

деперсонализации героини в ситуации пограничья. Мадина говорит, что неважно, откуда она, это могло быть любое место. Она из ниоткуда. Из-за семигорья и даже дальше. Устранение прошлого происходит ради обретения нового языка, вытесняющего старый. Роман Ю. Рабинович посвящен поискам нового одноязычия.

Очевидно, что расширенный межкультурный горизонт в ситуации приграничья может проявляться как в диалогическом взаимоналожении языков, так и в монологическом замыкании нового языкового круга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bürger-Koftis M., Schweiger H., Vlasta S. Polyphonie – Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität, 2010.
2. Гречушникова Т. В. Языковой эксперимент как элемент альтернативного политического дискурса ГДР: материалы международной конференции, посв. 60-летию ф-та иностранных языков: сб. науч. тр. / гл. ред. М. Л. Макаров. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. Ч. 2. С. 28–33.
3. Анохина А. А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР (рубеж XX–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2019.
4. Zierau, Cornelia: Wenn Wörter auf Wanderschaft gehen. Aspekte kultureller, nationaler und geschlechtsspezifischer Differenzen in deutschsprachiger Migrationsliteratur. Tübingen: Stauffenburg, 2009. S. 22–23.
5. Bloch, E. u. a. (Hrsg.): Grundbegriffe und Autoren ostmitteleuropäischer Exilliteraturen 1945–1989. Ein Beitrag zur Systematisierung und Typologisierung. Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2004.
6. Catone A. Grenzen sind dazu da, überschritten zu werden: Chamisso-Literatur und didaktisches Potenzial im universitären DaF-Literaturunterricht in Italien: дис. ... д-ра филол. наук, Салерно, 2014.
7. Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_125.shtml
8. Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культуры // Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. С. 34–45.
9. Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки (1870) // Избранное: На пути к исторической поэтике. М. : Автокнига, 2010. С. 9–21.
10. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6, 2002. М. : Русские словари : Языки славянской культуры, 1997–2012.
11. Vertlib W. Mein erster Mörder. Lebensgeschichten. Wien : Deuticke, 2006.
12. Корман Б. О. Из наблюдений над терминологией М. М. Бахтина // Избранные труды по теории и истории литературы: Монография. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2005. С. 173–182.
13. Rabinowich, Yu. Janus in Babylon. In F. Niemann (Hrsg.), Wienzeilen. Die interkulturelle Anthologie (S. 53–58). Weitra: Bibliothek der Provinz. 2009.
14. Rabinowich, Yu. Spaltkopf. Roman. Wien: edition exil. 2008.
15. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб. : А- cad, 1994.
16. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс. 1989.
17. Rabinowich, Yu. Dazwischen: Ich. Roman. Berlin: Hanser, 2016.
18. Vertlib V. Spiegel im Fremden Wort. Dresden: Tehlem Verlag, 2007.

REFERENCES

1. Bürger-Koftis, M., Schweiger, H., Vlasta, S. (2010). Polyphonie – Mehrsprachigkeit und literarische Kreativität.
2. Grechushnikova, T. V. (2003) Yazikovoq experiment kak element alternativnogo politixheskogo discursa GDR = Language experiment as an element of the alternative political discourse of the GDR (article). In M. L. Makarov (ed.): materials of the international conference, devoted. 60th Anniversary of the Faculty of Foreign Languages, 2, 28–33. (In Russ.)
3. Anokhina, A. A. (2019). Poisk identichnosti v nemetskoj proze migrantov iz byvshego SSSR (rubezh XX–XXI vekov) = The search for identity in German prose of migrants from the former USSR (the turn of the 20th–21st centuries). PhD in Philology. Kaliningrad. (In Russ.)

4. Zierau, Cornelia (2009). Wenn Wörter auf Wanderschaft gehen. Aspekte kultureller, nationaler und geschlechtsspezifischer Differenzen in deutschsprachiger Migrationsliteratur (SS. 22–23). Tübingen: Stauffenburg.
5. Bloch, E. u. a. (Hrsg.): Grundbegriffe und Autoren ostmitteleuropäischer Exilliteraturen 1945–1989. Ein Beitrag zur Systematisierung und Typologisierung. Franz Steiner Verlag, Stuttgart 2004.
6. Catone, A. „Grenzen sind dazu da, überschritten zu werden“: Chamisso-Literatur und didaktisches Potenzial im universitären DaF-Literaturunterricht in Italien: abstract of Senior Doctorate in Philology. Салерно, 2014.
7. Humboldt, W. (Now. 25, 2006). Ob izychenii yazikov, ili plan sistematičeskoi enziklopedii vseh yazikov = On the study of languages, or the outline of a systematic encyclopedia of all languages. http://genhis.philol.msu.ru/article_125.shtml (In Germ.)
8. Lotman, Yu. (1992). Text i politologism kul'tury = Text and polyglot culture. (pp. 34–45). Selected articles (Volums. 3. T. 1. Articles on semiotics and topology of culture). Tallinn: Alexandra.
9. Veselovskij, A. N. (2010). O metode i zadachah istorii literatury kak nayki (1870) = On the method and tasks of the history of literature as a science. Selected works: On the way to historical poetics (pp. 9–21). Moscow: Avtokniga Publ. (In Russ.)
10. Bahtin, M. M. (1997–2012). Sobranie sochinenij = Collected works: in 7 vols. Moscow: Russkie slovari, Jazyki slavjanskoi kul'tury. Vol. 6. (In Russ.)
11. Vertlib, W. Mein erster Mörder. Lebensgeschichten. Wien: Deuticke, 2006.
12. Korman, B. (1978). Iz nablydenii nad teerminologiej M. M. Bakhtina = From observations on the terminology of M. M. Bakhtin. Selected works on the theory and history of literature. Izhevsk: Udmurt University, 1992.
13. Rabinowich, J. (2009). Janus in Babylon. In F. Niemann (Hrsg.). Wienzeilen. Die interkulturelle Anthologie (S. 53–58). Weitra: Bibliothek der Provinz.
14. Rabinowich, J. (2008). Spaltkopf. Roman. Wien: edition exil.
15. Fuko, M. (1994). Slova i veshi. Archeologia gumanitarnikh nauk = Words and things. Archeology of the Humanities. Transl. from V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova ; intro. Art. N. S. Avtonomova. St. Petersburgs: Arademia. (In Russ)
16. Bart, R. (1989). Izbranue raboti: Semiotika. Poetika = Selected Works: Semiotics: Poetics / transl. from French ; comp., total. ed. and intro. Art. G. K. Kosikova. Moscow : Progress. (In Russ.)
17. Rabinowich, Yu. (2016). Dazwischen: Ich. Roman. Berlin: Hanser.
18. Vertlib, V. (2007). Spiegel im Fremden Wort. Dresden: Tehlem Verlag.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зусман Валерий Григорьевич

доктор филологических наук, профессор

Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде

Пахомова Ольга Владиславовна

преподаватель Волжского государственного университета водного транспорта

аспирант Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики в Нижнем Новгороде

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zusman Valery Grigorievich

Doctor of Philology, professor, scientific adviser,

Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

Pakhomova Olga Vladislavovna

lecturer in Volga State University of Water Transport,

postgraduate student in Higher School of Economics, Nizhny Novgorod

Статья поступила в редакцию 26.09.2022
одобрена после рецензирования 20.10.2022
принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 26.09.2022
approved after reviewing 20.10.2022
accepted for publication 14.11.2022